

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. Е. Н. Тетерина
г. Москва, Россия

ФУНКЦИЯ АНТИПАСТОРАЛЬНОЙ ТОПИКИ В РОМАНЕ Р.СЕНЧИНА «ЕЛТЫШЕВЫ»

Аннотация: Статья посвящена выявлению функции антипасторальной топика в романе «Елтышевы» российского писателя Р. В. Сенчина, относящего свое творчество к «новому реализму». Среди признаков, свойственных произведениям отечественного неореализма и нашедших воплощение в этом социально-психологическом романе (продолжение традиций русского реалистического письма, соответствующие современности хронотоп и язык, атмосфера экзистенциального тупика, психологический антропоцентризм, социальный критицизм, увлечение бытописанием, обозначение аксиологических констант, надежда на переустройство описываемой реальности и т. д.), особое место занимает уровень включения в художественную ткань повествования различных жанровых форм, способных усилить пластичность и экспрессию поэтического мира. В «Елтышевых» этот уровень принадлежит антипасторальной топике (деформация константы идиллического мира, раскол традиционного идиллического представления о единстве природы и человека, нарушение пасторального баланса оппозиции «жизнь — смерть»). Место антипасторальности здесь определяется не только высокой адаптивной восприимчивостью самой романной формы к разножанровым элементам (М. М. Бахтин), но и потенциальной возможностью антипасторали к укреплению реалистического плана произведения (Т. Джиффорд). Введение антипасторальных элементов в художественный мир «Елтышевых» отражает попытку автора найти убедительную и острую по воздействию на читателя форму выражения, вызвать читательскую рефлексию как по поводу катастрофического состояния современного мира, так и в отношении судьбы человеческой души, добровольно вступившей на путь смерти.

Ключевые слова: «новый реализм», Р. Сенчин, «Елтышевы», пастораль, антипастораль, современная отечественная литература.

Информация об авторе: Елена Николаевна Тетерина — кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, ул. Садовническая, д. 53/45, 115035 г. Москва, Россия. E-mail: lente-75@mail.ru

Дата поступления статьи: 26.03.2018

Дата публикации: 28.03.2019

Для цитирования: Тетерина Е. Н. Функция антипасторальной топика в романе Р. Сенчина «Елтышевы» // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 196–207.

Социально-психологический роман¹ современного российского писателя, публициста и музыканта Романа Валерьевича Сенчина «Елтышевы» опубликован в из-

¹ «Роман Сенчин — <...> писатель, сумевший создать свой, сегодняшний вариант русской социально-психологической прозы» [13].

дательстве «Эксмо» в 2009 г. Сам автор определяет художественный метод своего письма как «отражающий» или «новый реализм» [26], выделяя в качестве его доминантных качеств документальность и человековедческий фактор. Акцентируя их, в одном из интервью он замечал: «Для меня проза делится на изящную словесность, где важны не столько содержание, герои, сюжетное развитие, а сам язык <...>, и на, конечно, в художественном оформлении, <...> документ. Исторический, психологический, человеческий... Я пытаюсь писать о жизни ничем особенным не выдающихся <...> людей. Хотя каждый человек особенен и уникален» [24].

Как известно, термин «новый реализм» породил жаркую дискуссию в среде отечественной литературной критики последнего десятилетия [7; 15; 20; 25; 28]. Оставляя в стороне аргументы сторон по поводу его адекватности/неадекватности ряду произведений современных отечественных прозаиков (З. Прилепина, А. Бабченко, С. Шаргунова, Б. Евсева, А. Варламова, В. Галактионовой, Ю. Козлова, П. Крусанова, В. Личутина и т. д.), заметим, что роман Сенчина демонстрирует все те признаки «нового реализма», которые обозначены в литературоведческих и литературно-критических работах разной степени лояльности по отношению к этому художественному явлению. По мнению ряда исследователей, произведения, принадлежащие «направлению нового века» [25, с. 166], отличаются наличием

- традиций русского реалистического письма [19; 20], идейных принципов «национального космоса» [8];
- хронотопа, соответствующего социальной действительности наших дней [19];
- языка, адаптированного под современность [20];
- сочетания маркировок постмодернизма («мир как хаос», «кризис авторитетов»), реализма («типичный герой», «типичные обстоятельства»), романтизма («разлад идеала и действительности») с установкой на экзистенциальный тупик, отчужденность, неудовлетворенность и трагический жест [1; 9];
- психологического антропоцентризма [5; 19];
- социального критицизма [5; 19];
- избыточного бытописательства [5; 7; 14];
- «новых реальностей, вызовов современности, с которыми приходится сталкиваться авторам» [20];
- надежды на переустройство описываемой реальности [20];
- способности к восприятию и узнаванию «надмирных истин» [16], осознанию «аксиологических констант» [20];
- отсутствия критерия «качества написанного» [20];
- «поиска новых синтетических жанровых форм контакта художественных методов, которые могут привести к усилению индивидуализации поэтического мира» [19].

Из перечисленных выше признаков «нового реализма» подробнее остановимся на рассмотрении последнего, так как один из актуальных уровней художественного мира «Елтышевых» — уровень антипасторальной топики². Появление его в романе мо-

² Наличие в «Елтышевых» элементов антипасторальной топики позволяет обозначить не только близость романа литературе об «истории гибели одного семейства» и «истощении рода» («Замок Отранто» Х. Уолпола, «Будденброки» Т. Манна, «Господа Головлевы» М. Салтыкова-Щедрина, «Семья вурдака» А. К. Толстого, «Мамаша Кураж и ее дети» Б. Брехта, «Сто лет одиночества» Г. Г. Маркеса и т. п.), но и его принадлежность отечественной традиции пасторальности-антипасторальности, представленной в XX в. такими произведениями, как «Пастух и пастушка. Современная пастораль» В. Астафьева, «Последняя пастораль» Г. Адамовича, «Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя» Ю. Нагибина, «Ложится мгла на старые ступени» А. Чудакова. О жанровой судьбе пасторали и вариантах исторической трансформации жанра см., например: [21; 22].

жет быть обусловлено как высокой адаптивной способностью романной формы к разножанровым элементам [3; 27], так и самой возможностью антипасторального дискурса к укрупнению реалистического плана произведения. На эту возможность указывал, в частности, английский литературовед Терри Джиффорд, считая, что помимо прочих признаков произведений антипасторального ряда (трансформация исходной пасторальной модели, демифологизация образов Аркадии, Эдема и т. п., антиидеализм), антипасторальность призвана высвечивать катастрофичность, напряженность и хаотичность описываемого, подчеркивать ее «реалистичность» [29].

Антипасторальный план «Елтышевых», придающий дополнительную отчетливость и убедительность авторской картине современности и призывающий читателя задуматься о состоянии его внешнего и внутреннего бытия, складывается из нивелирования в произведении центральных идей пасторально-идиллической системы (*locus amoenus*, единство природы и человека, баланс оппозиционных категорий «жизнь – смерть»).

1. В романе Сенчина деформируется сама константа идиллического мира — *locus amoenus*. События разворачиваются и в городе, и в деревне. Оба этих локуса, зачастую противопоставленные многовековой традицией пасторали, в «Елтышевых» предстают ипостасями единого катастрофического пространства.

Безымянный город в романе — это область несбывшихся надежд, несложившихся карьер, ветхих жилищ, тесных квартир, унылых пейзажей. В его истории прослеживается динамика угасания. Если на заре семейной жизни Елтышевых город — это стремительно растущие благоустроенные дома, широкие проспекты, уютная библиотека, то, спустя время, он имеет неприглядный вид: «Их четырехэтажный дом, один из первых, построенных в городе многоквартирников, сегодня показался Валентине Викторовне убогим, покосившимся, особо обшарпанным <...> Напротив еще одна такая же четырехэтажка — мутноватые стекла, балконы забиты старой мебелью, какими-то досками, расползшимися коробками. Во дворе детская площадка с песочницей, деревянной поломанной горкой, качелями, которые пронзительно скрипели, если на них качались; заросшая полынью хоккейная коробка <...>» [23, с. 28].

Центром города является вытрезвитель, местная «обитель зла», где персонал заведения унижает пьяных клиентов и где всегда царит безжизненный сумрак: «Держурка невелика, сумрачна, и несколько ламп не могут наполнить ее светом, жизнью» [23, с. 13]. «Темный, душный, жутковатый мирок» [23, с. 9] предстает в образе адского пекла в сцене позорного финала карьеры капитана Елтышева, запершего людей в тюремном изоляторе и едва не лишившего их жизни: «Из комнатухи вырвалась волна отравленного горячего воздуха <...> На полу, один на другом, корчились недавние недовольные» [23, с. 21].

Другим ликом катастрофического пространства романа становится сибирская деревушка близ Саянских гор Мураново. Это название воскрешает в памяти светлую тональность лирики Е. Баратынского и Ф. Тютчева, жизнь которых была связана с подмосковной усадьбой Мураново. Баратынский в одном из своих стихотворений так описывал деревенский пейзаж:

Я помню ясный, чистый пруд;
Под сенью берез ветвистых.
Средь мирных вод его три острова цветут;
Светлея нивами меж роц своих волнистых;

За ним встает гора, пред ним в кустах шумит
И брызжет мельница. Деревня, луг широкой,
А там счастливый дом... туда душа летит <...> [2, с. 240–241].

В романе Сенчина сохранились лишь отголоски традиционного пасторального представления о деревенской идиллии. Елтышева жалеет, что в молодости покинула родное Мураново: «Нет, лучше тогда было вернуться в деревню, учить детишек. Надежная изба на высоком фундаменте, огород, корова... Давно она не была на родине, деревенская жизнь представлялась как нечто единственно правильное» [23, с. 27]. Ее бывшая сослуживица, узнав об отъезде семьи из города, восклицает: «— Молодцы... Хорошо вам — деревня, воздух, а тут задыхаешься в этом асфальте» [23, с. 155]. Но переселение Елтышевых в деревню — не добровольный уход героев на идиллическое лоно сельского быта, а вынужденное бегство от позора и отсутствия жилья. Образ деревни в романе предстает в форме пасторального негатива, ада. Здесь нашли место все приметы процесса ее упадка: безработица, бездорожье, отсутствие доступной медицины, низкий уровень образования, алкоголизм и наркомания, преступность.

Смысловыми ориентирами деревенского пространства в романе становятся образы дома, кладбища, леса, несущие антиидиллическую коннотацию.

Центр Мураново — дом тетки Татьяны, куда переехала семья. «Конкретный пространственный уголок, где жили отцы и деды, где будут жить дети и внуки» [4, с. 158] в романе Сенчина трансформирован в место тяжелых дум, преступных помыслов и промыслов, пьянства, болезней, семейной вражды, сыноубийства. Здесь никогда не прозвучит детский смех отвергнутого Елтышевыми внука. Хозяйка дома, тетка Татьяна, хранительница семейного очага и родовой памяти, будет убита самим главой семейства. История обветшания дома в романе отражает динамику разложения человеческой души. Как известно, в библейской (Лев. 14: 33–53) и новозаветной традиции дому уподобляется человеческая душа. Погрязший в раздорах дом обречен, подобно душе, чуждой созидающей мудрости любви: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Матф. 12: 25). Поэтому новое жилище, которое захочет построить взамен старого Николай Михайлович, так и останется мечтой. О ней будет напоминать лишь вырытый под строительство нового дома котлован: «Яма темнела, пугала, как вырытая могила» [23, с. 124]. Семейные дразги сотрясают еще один дом, описанный в романе, — дом семейства Тяповых, с которыми вынужденно пришлось породниться Елтышевым. На тяповском подворье находится баня («место нечистое, поганое, опасное» [18, с. 32]³). Здесь, в холодном, тесном и темном предбаннике, будут предаваться любовным утехам старший сын Елтышевых Артем и его будущая жена Валентина, которые познакомились в пьяном чаду местного клуба.

Идиллическое представление о смерти не имеет ярко выраженного трагического характера, соответственно, и *кладбище* в пасторали, как правило, скромный живописный уголок последнего приюта. В «Елтышевых» образ кладбища выстроен с помощью семантики низа и разложения, которая усиливается за счет включения мифологем сосны и осины. Здесь сосна, как один из древнейших образов мирового древа [10, с. 53], мировой космической оси, позже ставшая символом вечности и душевного сопротивления небытию и в отечественной поэзии (М. Лермонтов, А. Фет, С. Маршак, В. Шаламов, Н. Рубцов), и на полотнах русских художников (И. Шишкина, Ф. Васильева и др.),

³ Подробнее о причинах такого восприятия этого древнего локуса, см., например: [6].

вытесняется осиной с ее народной семантикой смерти, обезбоженности⁴: «Кладбище находилось почему-то не в сосновом бору <...>, а напротив — у подножия холма, в сырой, заросшей чахлым осинником низине. “Вот здесь и меня с Николаем закопают”, — подумала Валентина Викторовна, оглядывая такие же чахлые, как осины, кресты и тумбочки <...> И от мысли о собственной смерти, от того, что последнее пристанище столь безрадостно, она <...> зарыдала» [23, с. 214–215].

Толика *леса*⁵, как одного из локусов идиллического мира, традиционно противопоставляемого *саду*, в романе Сенчина имеет зловещий оттенок. Это и территория, где в клубах мошкары озлобленные мурановцы собирают ягоды и грибы на продажу, воровато рубят деревья на дрова и стройматериалы, и оскверненное преступлением место. Здесь в мстительной злобе Елтышев убьет своего соседа Харина, сделавшего обман единственным способом выживания своей семьи.

2. В романе продемонстрирован раскол традиционного идиллического представления о единстве природы и человека. Здесь природа, в отличие от универсального идиллического мировидения, представлена как враждебная по отношению к человеку сила. В описании мурановского пейзажа господствует танатосная символика: «Все, что еще зеленело, стало черным, потекло, словно гноем, мертвым травяным соком» [23, с. 237]; «Как ни было грустно видеть черную, без снега, землю, похожие на скелеты деревья, но при снеге стало еще грустнее» [23, с. 185]. Лейтмотивом повествования является образ дождя, назойливо напоминающего о тотальном, внешнем и душевном, распаде: «В городе дождь был другим — от него легко было спрятаться, забыть, что он есть. А здесь, даже если уши заткнуть, зажмуриться накрепко, все равно спрятаться не удавалось — дождем пахло даже в теплой избе, волей-неволей представлялось, как влага точит доски, бревна, разъедает железо, шифер, бетон» [23, с. 164]. Дождь отнимает жизненные силы и лишает надежды на лучшее: «В начале сентября пошел дождь. Как и в том году — мелкий, редкий <...>, но долгий, непрерывный, вымывающий энергию» [23, с. 237]. Сам приезд Елтышевых в Мураново сопровождается дождем, предвещающая будущие беды семьи: «Только стали с женой разгружать контейнер, заморосил дождь. Мелкий, но, кажется, затяжной, октябрьский.

— Как назло, — ругнулся Николай Михайлович» [23, с. 37].

Фоном окончательного нравственного падения главного героя также станет дождь. После убийства Харина Елтышев впервые за все время пребывания в Муранове радуется ненастью: «Выйдя в туалет, обнаружил, что идет дождь. Мелкий, но частый. Холодный... В другое бы время расстроился <...>, а сейчас постоял, половил капли ртом. Вздохнул:

— Хорошо...» [23, с. 242].

3. В произведении нарушен пасторальный баланс оппозиции «жизнь – смерть».

В отличие от идиллической гармонии этих оппозиционных категорий, в «Елтышевых» господствует смерть. Тетка Валентины с горечью рассуждает о высокой смерт-

⁴ Так, В. И. Даль в статье «Осина» своего «Словаря...» приводил словесный пример народного восприятия этого образа: «Осина проклятое дерево, на немъ Иуда удавился, и съ тѣхъ поръ на немъ листь дрожить» [12, с. 720].

⁵ В. Я. Пропп в книге «Исторические корни волшебной сказки» указывал на то, что в античной мифологии и литературе (Овидий, Вергилий) образ леса служит воплощением преддверия Аида. В славянской фольклорной традиции лес — пространство как враждебное (вход в царство мертвых), так и сакральное (область обрядов и испытаний). См.: Глава III. Таинственный лес [16]. Диапазон ветхозаветной интерпретации образа леса вмещает и его положительное значение [убежище праведных (2 Цар. 18: 6–8), (Иер. 4: 27–29), и отрицательное (божественное наказание за людское беззаконие (Ис. 17: 9)].

ности в деревне: «Мрут и мрут, мрут и мрут... В войну с нашего Муранова семнадцать мужиков погибло <...> Но то война, пулеметы, танки, а тут, если посчитать, за последних пять лет больше наберется... И что ж это — это ведь все так перемрут, переубивают друг дружку» [23, с. 177]. Правда ее слов подтверждается криминальными эпизодами романа: Олегжон убивает собутыльника, а потом и сам становится жертвой убийства; местный парень на танцах рубит другого топором; мстительные соседи закалывают младшего сына Елтышевых Дениса и т. д. Жизнь в деревне нередко заканчивается либо сумасшествием (история фермера-птицевода, впавшего в безумие от отчаяния, что не удалось наладить собственное дело), либо самоубийством (самоподжог Валерки), либо смертью, ставшей назойливой тривиальностью. Скоропостижная кончина еще молодого Юрки поражает своей внезапностью только Николая Михайловича, недавно приехавшего в деревню: «Елтышева удивило поведение окружающих — стояли и смотрели на труп, как на что-то обычное. И даже Людмила, для которой теперь, со смертью мужа <...>, ломалась вся ее и ее детей судьба, не рыдала, не трясла Юрку, требуя подняться, <...>, а как и другие, стояла и смотрела. Дети тоже были тут — и тоже спокойны... Подошел управляющий, потом участковый, фельдшер. Останавливались и смотрели» [20, с. 174–175]. Смерть для мурановцев давно утрачивает значение Тайны. Так, для того чтобы уличить жену Юрки в обмане, на эксгумацию его тела стекаются кучки любопытных: «Некоторые ожидали, что, как только отдерут крышку, вдова <...> достанет из подкладки его костюмчика заначенную пачку денег <...>. Но все ограничилось переобуванием. Разочарованные, намерзшие зрители скорей разошлись» [23, с. 203].

На жизненное угасание в условиях деревенской действительности обречены не только взрослые, но и дети. Приметы вырождения Елтышев замечает в потомстве соседа-алкоголика: «У Юрки было шестеро детей — четыре мальчика и две девочки — от тринадцати до четырех лет <...> Старшая, тринадцатилетняя Лида, выглядела на свой возраст, сложена была пропорционально, а уже следующий, одиннадцатилетний Павлик, ростом, фигуркой смахивал на восьмилетнего-девятилетнего; остальные тоже были низкорослыми, щуплыми, с туповатыми лицами... “И что из таких получится?”» [23, с. 88].

В этом выморочном мурановском мире ее жителей то и дело посещают мысли о конце. Одним из носителей этих настроений является старший сын Елтышевых, в конце концов нашедший нелепую смерть. В его мироощущении прочно воцаряется Танатос, вытесняя внезапно вспыхнувшую страсть Эроса: «<...> спустя полгода, Артему частенько казалось, что, может, лучше бы их с Валею знакомства не случилось. Или близость так далеко не зашла. Теперь его одиночество и та мучительная тоска вспомнилась как нечто светлое, сладостное, невозвратное» [23, с. 135]. С рождением сына появляются новые радостные ощущения, но и они растворяются все в той же танатосной бездне: «...сил у Артема хватило ненадолго — через пару недель стал валиться на кровать при первой возможности. Днем уходил во времянку, закутывался в тряпье и засыпал, и даже угроза замерзнуть не останавливала. “И черт с ним,” — шептал с обидой» [23, с. 192]. Валентина Викторовна, похоронив сыновей и мужа, укоряет себя за попытки зацепиться за жизнь: «Она ждала смерть, призывала ее, но в то же время исправно делала себе уколы <...> Ругала себя за это, зло посмеивалась — “хо-очешь жить”, — и все же продлевала эту ненужную теперь жизнь» [23, с. 306–307].

Смерть в романе, являясь ключевым образом произведения, опутывает не только жизненное пространство персонажей, но и прочно воцаряется в их душе. В этимологии самой фамилии семейства наряду с указанием на конечность, «обрубленность» («елтыш» в «Словаре...») В. И. Даля — «чурбан, отрубок» [11, с. 534]), содержится и на-

мек на душевную неразвитость. Разрушительное начало олицетворяет сам глава семьи. В романе образ библейского патриарха, выводящего род в новые земли в поисках лучшей доли, трансформирован в образ древнего Крона, пожирателя и своих детей, и тех, кто встречается на его пути. Кроническое начало проявляет себя не только в сценах собственноручного устранения Елтышевым своих противников или антиподов (тетки, сына, соседа), но и в губительном влиянии на судьбы людей, физического уничтожения которых он не желал (история чудом уцелевшего в отравленной духоте вырезвителя журналиста, гибель младшего сына и разрыв отношений с семьей старшего). Как уже замечалось, моделью этой жизненной стратегии является напоминающий могилу котлован, так и не ставший основой задуманного дома. Об отсутствии нравственного фундамента в жизни Елтышева свидетельствует история его жизни — добровольно избранный персонажем путь низложения христианских ценностей. Главной такой нивелированной ценностью станет любовь, основная категория христианской этики (Иоанн 13: 34). Принципом елтышевского бытия станет нелюбовь, привычка озлобленного сосуществования. Городские сцены романа свидетельствуют о подмене в мировоззрении героя и таких ключевых категорий христианского кодекса как покаяние и чудо. В его сознании место покаяния займет сожаление о своей нерешительности вступить в бандитскую группировку в 90-е: «Позже, больно сжимая кулаки, Николай Михайлович вспоминал, как ему предлагали уволиться со службы, “заняться делом”, “вступить в долю”» [23, с. 7]. Чудесное обернется звериным ожиданием дежурного по вырезвителью своей жертвы: «И поначалу Елтышев радовался каждому дежурству <...> ожидал чего-то чудесного... Да нет, не “чего-то”, а вполне реального пьяного вусмерть богатея с набитыми деньгами карманами» [23, с. 8].

Болезнью души в той или иной степени заражено и большинство персонажей романа: зависть, злоба, равнодушие, мстительность, злопамятность, преступные наклонности — примета того общества, которое возникает на страницах произведения. Так, гибель только что освободившегося из заключения Дениса — акт мести мурановцев ненавистному им чужаку. В романе есть персонажи-носители света души, но их судьба в условиях всеобщего нравственного омертвления трагична: гибнет тетка Татьяна, оплот житейской мудрости и чуткости, гибнет любивший до самозабвения распутную Ленку местный мужичок Валерка.

Тем не менее в финале этого мрачного и горького произведения звучит едва различимый мажорный обертон — отвергнутый наследник Елтышевых, пятилетний Родион, не знает своей фамилии. Несмотря на желание Валентины Викторовны открыть внуку тайну его рождения, малыш упрямо твердит:

— Я не Ей... Я Петьунин.

— Твоя фамилия Елтышев! — чувствуя, что теряет голову, почти прокричала Валентина Викторовна. — Ел-ты-шев.

— Я — Одион Петьунин, — твердо ответил мальчик [23, с. 317].

Возможно, этой заключительной сценой романа автор дает надежду читателю на то, что маленький Родион избежит судьбы елтышевского ада. Сам писатель на одной из встреч с читателями признался: «Я вижу реальность и не могу не писать. Есть такое тайное желание, что что-то изменится из-за написанного мною»⁶.

⁶ Встреча с писателями Р. Сенчиным и С. Шаргуновым в рамках I Славянского Форума Искусств «Золотой витязь» 14.05.2010. Подробнее: URL: <http://glfir.ru/svobodnaja-kafedra/tvorcheskij-vecher-glfr-veronika-vasileva.html> (дата обращения: 25.03.2018).

Таким образом, введение антипасторальной топики в художественную ткань реалистического романа Р. В. Сенчина отражает попытку автора найти убедительную и наиболее острую по воздействию на своего читателя форму выражения, вызвать читательскую рефлексию не только по поводу катастрофического состояния современного мира, но и в отношении судьбы человеческой души, добровольно вступившей на путь Зла и Смерти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Абишева У. К.* Новые тенденции в реализме XX века // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. 2006. № 1. С. 109–128.
- 2 *Баратынский Е. А.* Лирика. Минск: Харвест, 2002. 448 с. С. 240–241.
- 3 *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. 504 с.
- 4 *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
- 5 *Беляков С.* Дракон в лабиринте: к тупику нового реализма // Урал. 2003. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2003/10/bel.html> (дата обращения: 25.03.2018).
- 6 *Бобров А. Г.* Древнерусская «мовь» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. Т. 56. С. 94–120.
- 7 *Бойко М.* О дивный новый реализм // Литературная газета. 2010. № 12. URL: <http://lgz.ru/article/N12--6267---2010-03-31-/O-divn%D1%8By-nov%D1%8By-r%D0%B5alizm12106/> (дата обращения: 25.03.2018).
- 8 *Бондаренко В.* Попытка прорыва // Литературная газета. 2010. № 13. URL: http://lgz.ru/article/N13--6268---2010-04-07-/Pop%D1%8Btkaprog%D1%8Bva12210/?sphrase_id=1269957 (дата обращения: 25.03.2018).
- 9 *Ганиева А.* Не бойся новизны, а бойся пустозвонства // Знамя. 2010. № 3. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=4213> (дата обращения: 25.03.2018).
- 10 *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
- 11 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Тип. М. Вольфа, 1880. Т. 1: А-З. 812 с.
- 12 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Тип. М. Вольфа, 1880. Т. 2: И-О. 814 с.
- 13 *Костырко С.* «Статус писателя лишился своей сакральности...» // Excellent. URL: <http://sarmediaart.ru/intervyu/44-sergej-kostyrko.html> (дата обращения: 25.03.2018).
- 14 *Лорченков В.* Русский Олимп — брошенный диван // Октябрь. 2010. № 2. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2010/2/lo19.html> (дата обращения: 25.03.2018).
- 15 *Пирогов Л.* Погнали наши городских // Литературная газета. 2010. № 9. URL: http://lgz.ru/article/N9--6264---2010-03-10-/Pognali-nashi-gorodskih11875/?sphrase_id=1390567 (дата обращения: 25.03.2018).
- 16 *Пронн В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2002. 333 с.
- 17 *Пустовая В.* Новое “я” современной прозы: об очищении писательской личности // Новый мир. 2004. № 8. С. 153–173.
- 18 *Путилов Б. Н.* Древняя Русь в лицах: Боги, герои, люди. СПб.: Азбука, 1999. 368 с.
- 19 *Ротай Е. М.* «Новый реализм» в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова: автореф. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2013. 178 с.

- 20 Рудалев А. Катехизис «нового реализма». Вторая волна: Не так страшен «новый реализм», как его малюют // Российский писатель. URL: <http://rospisatel.ru/konferenzija/rudaljev.htm> (дата обращения: 25.03.2018).
- 21 Саськова Т. В. Жанровая природа пасторали в историко-культурном осмыслении // Литература в системе культуры. М.: Изд-во МГОПУ, 1997. Вып. 1. С. 36–45.
- 22 Саськова Т. В. Природа и социум (к вопросу о судьбах пасторальной традиции) // Культура и творчество. М.: Изд-во МГОПУ, 1996. С. 10–30.
- 23 Сенчин Р. В. Елтышевы. М.: Эксмо, 2009. 320 с.
- 24 Сенчин Р. Если слушать писателей, все развалится // Захар Прилепин. URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/roman-senchin-esli-slushat-pisatelei-vse-razvalitsya.html> (дата обращения: 25.03.2018).
- 25 Сенчин Р. Направление нового века // Новый реализм: за и против (Материалы писательских конференций и дискуссии последних лет). М: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2007. С. 166–169.
- 26 Сенчин Р. В. Новый реализм // Знамя. 2005. № 5. С. 192–193.
- 27 Тамарченко Н. Д. Роман // Теория литературных жанров / под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Академия, 2011. 256 с. С.60–65.
- 28 Фролов И. Чудище стозевно и безъязыко // Литературная газета. 2010. № 11. URL: <http://www.lgz.ru/article/N11--6266---2010-03-24-/Chudisht%D0%B5-stoz%D0%B5vno-i-b%D0%B5zayaz%D1%8Bko12025/> (дата обращения: 25.03.2018).
- 29 Gifford T. Pastoral, Anti-Pastoral and Post-Pastoral as Reading Strategies // Critical Insights: Nature and Environment. Ipswich: Salam Press, 2012. P. 42–61.

***

© 2019. Elena N. Teterina
Moscow, Russia

THE FUNCTION OF THE ANTI-PASTORAL FIGURATIVENESS IN R. SENCHIN'S NOVEL "ELTYSHEVS"

Abstract: The purpose of the paper is to explore the function of the anti-pastoral figurativeness in the novel "Eltyshevs" by the Russian writer R. Senchin, classifying his work as (new realism). Among attributes inherent in the works of national neorealism and embodied in this socio-psychological novel (such as continuation of the traditions of Russian realistic writing, the chronotope and language corresponding to modern times, the atmosphere of an existential deadlock, psychological anthropocentrism, social criticism, focusing on everyday life, indicating axiological constants, hope on the reorganization of described reality, etc.). The author puts a special emphasis on the level of inclusion of different narrative genre forms into artistic fabric of the story enhancing plasticity and expression of the poetic world. In the "Eltyshevs" this level belongs to the anti-pastoral topic (deformation of the constant of the idyllic world, split of the traditional idyllic idea of the unity of nature and man, violation of the pastoral balance of the life-death opposition). The place of anti-pastoralism in this novel is determined not only by highly adaptive susceptibility of the very form of novel to various genres`

elements (M. Bakhtin), but also by potential possibility of the anti-pastoral to enhance “realism” of the work (T. Gyfford). The introduction of anti-pastoral elements into the artistic world of the “Eltyshevs” reflects the author's attempt to find the most convincing and sharpest form of expression of the material proposed for reading, to generate the reader's reflection both on a catastrophic state of the modern world and regarding the fate of the human soul voluntarily taken the path of death.

Keywords: R. Senchin, “Eltyshevs”, pastoral literature, anti-pastoral literature, modern Russian literature, “modern new realism”.

Information about author: Elena N. Teterina — PhD in Philology, Senior Lecturer, Associate Professor, A. N. Kosygin Russian State University, Sadovnicheskaya St. 33, build. 1, 117997 Moscow, Russia. E-mail: lente-75@mail.ru

Received: March 26, 2018

Date of publication: March 28, 2018

For citation: Teterina E. N. The function of the anti-pastoral figurativeness in R. Senchin's novel “Eltyshevs”. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 51, pp. 196–207. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Abisheva U. K. Novye tendentsii v realizme XX vek [New Trends in the Realism of the 20th century]. *Vestnik MGU. Seriya 9: Filologiya* [Series 9: Philology], 2006, no 1, pp. 109–128. (In Russian)
- 2 Baratynskiy E. A. *Lirika* [Lyrics]. Minsk, Kharvest Publ., 2002. 448 p. (In Russian)
- 3 Bahtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki* [The Issues of Literature and Aesthetics]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975. 504 p. (In Russian)
- 4 Bahtin M. M. Formy vremeni i khronotopa v romane [The Forms of Time and the Chronotope in the Novel]. *Epos i roman* [The Epic and The Novel]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 304 p. (In Russian)
- 5 Beliakov S. Drakon v labirinte: k tupiku novogo realizma [The Dragon in the Labyrinth: on the Stalemate of New Realism]. *Ural*, 2003, no 10. Available at: <http://magazines.russ.ru/ural/2003/10/bel.html> (accessed 25 March 2018). (In Russian)
- 6 Bobrov A. G. Drevnerusskaia “mov” [The Old Russian “mov` (speech)"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [The Works of the Department of the Old Russian Literature]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004, vol. 56, pp. 94–120. (In Russian)
- 7 Boiko M. O divnyi novyi realizm [Brave New Realism]. *Literaturnaia gazeta*, 2010, no 12. Available at: <http://lgz.ru/article/N12--6267---2010-03-31-/O-divn%D1%8By-nov%D1%8By-r%D0%B5alizm12106/> (accessed 25 March 2018). (In Russian)
- 8 Bondarenko V. Popytka proryva [Breakethrough Attempt]. *Literaturnaia gazeta*, 2010, no 13. Available at: http://lgz.ru/article/N13--6268---2010-04-07-/Pop%D1%8Btkaprpr%D1%8Bva12210/?sphrase_id=1269957 (accessed 25 March 2018). (In Russian)
- 9 Ganieva A. Ne boisia novizny, a boisia pustozvonstva [Don't be Afraid of Novelty but be Afraid of Blabbering]. *Znamia*, 2010, no 3. Available at: <http://znamlit.ru/publication.php?id=4213> (accessed 25 March 2018). (In Russian)
- 10 Gurevich A. Ja. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of Medieval Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1984. 350 p. (In Russian)
- 11 Dal' V. I. *Tolkovyii slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.] St. Petersburg, Tipografiia M. Vol'fa Publ., 1880. Vol. 1: A-Z. 812 p. (In Russian)

- 12 Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols.]. St. Petersburg, Tipografiia M. Vol'fa Publ., 1880. Vol. 2: I-O. 814 p. (In Russian)
- 13 Kostyrko S. "Status pisatelia lishilsia svoei sakral'nosti..." [The Writer's status Lost his Sacredness]. *Excellent*. Available at: <http://sarmediaart.ru/intervyu/44-sergej-kostyrko.html> (accessed 25 March 2018). (In Russian)
- 14 Lorchenkov V. *Russkii Olimp — broshennyi divan* [The Russian Olympus — Abandoned Sofa]. *Oktiabr'*, 2010, no 2. Available at: <http://magazines.russ.ru/october/2010/2/lo19.html> (accessed 25 March 2018). (In Russian)
- 15 Pirogov L. *Pognali nashi gorodskikh* [Pyky we go kicking city boys out]. *Literaturnaia gazeta*, 2010, no 9. Available at: http://lgz.ru/article/N9--6264---2010-03-10-/Pognali-nashi-gorodskikh11875/?sphrase_id=1390567 (accessed 25 March 2018). (In Russian)
- 16 Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoi skazki* [Historical Roots of the Fairy Tale]. Moscow, Labirint Publ., 2002. 333 p. (In Russian)
- 17 Pustovaia V. *Novoe "ia" sovremennoi prozy: ob ochishchenii pisatel'skoi lichnosti* [New "Me" of Modern Prose: On Purification of Writer's Personality]. *Novyi mir*, 2004, no 8, pp. 153–173. (In Russian)
- 18 Putilov B. N. *Drevniaia Rus' v litsakh: Bogi, geroi, liudi* [The Old Russian Images: Gods, Heroes, People]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 1999. 368 p. (In Russian)
- 19 Rotai E. M. "Novyi realizm" v sovremennoi russkoi proze: *khudozhestvennoe mirovozzrenie R. Senchina, Z. Prilepina, S. Shargunova* ["New Realism" of Modern Russian Prose: The Artistic Worldview of R. Senchin, Z. Prilepin, S. Shargunov]. Abstract of dissertation candidate of Philology. Krasnodar, 2013. 178 p. (In Russian)
- 20 Rudalev A. *Katekhizis "novogo realizma". Vtoraia volna: Ne tak strashen "novyi realizm", kak ego maliuiut* [The Catechism of "New Realism". Second Wave: "New Realism" is not as Scary as He is Painted]. *Rossiiskii pisatel'* [Russian writer]. Available at: <http://rospisatel.ru/konferenzija/rudaljev.htm> (accessed 25 March 2018). (In Russian)
- 21 Sas'kova T. V. *Zhanrovaia priroda pastorali v istoriko-kul'turnom osmyslenii* [The Genre Nature of Pastoral in Historical and Cultural Perception]. *Literatura v sisteme kul'tury* [Literature in the system of Culture]. Moscow, Izdatel'stvo MGOPU Publ., 1997, vol. 1, pp. 36–45. (In Russian)
- 22 Sas'kova T. V. *Priroda i sotsium (k voprosu o sud'bakh pastoral'noi traditsii)* [Nature and Society (On the Fates of the Pastoral Tradition)]. *Kul'tura i tvorchestvo* [Culture and Creativity]. Moscow, Izdatel'stvo MGOPU Publ., 1996, pp. 10–30. (In Russian)
- 23 Senchin R. V. *Eltyshevy* [Eltyshevs]. Moscow, Jeksmo Publ., 2009. 320 p. (In Russian)
- 24 Senchin R. *Esli slushat' pisatelei, vse razvalitsia* [Listen to Writers Everything is going to collapse]. *Zakhar Prilepin*. Available at: <http://zaharprilepin.ru/ru/litprocess/intervju-o-literature/roman-senchin-esli-slushat-pisatelei-vse-razvalitsya.html> (accessed 25 March 2018). (In Russian)
- 25 Senchin R. *Napravlenie novogo veka* [The Literary School of New Age]. *Novyi realizm: za i protiv (Materialy pisatel'skikh konferentsii i diskussii poslednikh let)* [New Realism: pros and cons (Writer's Conferences Materials and Last Years' Discussions)]. Moscow, Izd-vo Literaturnogo in-ta im. A. M. Gor'kogo Publ., 2007, 166–169. (In Russian)
- 26 Senchin R. V. *Novyi realizm* [New Realism]. *Znamia*, 2005, no 5, pp. 192–193.

- (In Russian)
- 27 Tamarchenko N. D. Roman [Novel]. *Teoriia literaturnykh zhanrov* [Theory of Literary Genres], edited by N. D. Tamarchenko. Moscow, Akademia Publ., 2011, pp. 60–65. (In Russian)
- 28 Frolov I. Chudishche stozevno i bez"iazyko [The Monster Has Got a Hundred Throats and No Tongue]. *Literaturnaia gazeta*, 2010, no 11. Available at: <http://www.lgz.ru/article/N11--6266---2010-03-24-/Chudisht%D0%B5-stoz%D0%B5vno-i-b%D0%B5zayaz%D1%8Bko12025/> (accessed 25 March 2018). (In Russian)
- 29 Gifford T. Pastoral, Anti-Pastoral and Post-Pastoral as Reading Strategies. *Critical Insights: Nature and Environment*. Ipswich, Salam Press Publ., 2012, pp. 42–61. (In English)